«Великие кочевья» — книга о массовых миграциях жи-вотных, о том чуде природы, разгадка которого до сих пор волнует ученых. Написана она не в виде монографии, а в виде отдельных глав (всего их пять), посвященных серым гусям, рыбам (сельди, европейскому угрю и лососю), са-ранче, американским бизонам и норвежским леммингам.

Приступая к созданию своей книги, Ж. Блон изучил гору научной литературы (в списке использованных источ-ников приведено 40 названий книг и крупных статей, не считая множества статей более мелких) и консультировал-ся с ученым. Благодаря этому ему удалось избежать мно-гих ошибок. Но достоинства Ж. Блона и его книги не ис-черпываются этим: его сила еще и в том, что он умеет так драматизировать события и так «скульптурно» их изобра-жать, что невольно создается впечатление, как будто не читаешь книгу, а смотришь хорошо сделанный фильм с за-хватывающим сюжетом.

Научно-художественный жанр допускает ряд вольно-стей, которыми Ж. Блон воспользовался в полной мере. Так, например, в главе «Бег к смерти» (одной из лучших в книге) повествование ведется от имени лемминга, пере-жившего великий исход своего племени. Некоторым из своих героев Ж. Блон дает имена, заимствуя для них латинские названия животных (более подробные объяс-нения смотри в примечаниях).

Следует отметить, что в главе «Птичья одиссея» не со-всем ясно, к какому времени приурочены события, описан-ные в районе озера Чаны. Судя по всему, оно происходит до преобразований, происшедших за последние десяти-летия.

Не сомневаюсь, что предлагаемый перевод книги Ж. Блона завоюет широкие читательские круги. Книга не только заинтересует зоогеографов и зоологов, но и всех тех, кто стремится узнать как можно больше о живой природе, которая нас окружает и от которой мы подчас так далеки.

В. М. Макушок

Недавно я закончил читать первую главу этой книги о жизни серых гусей. Главными персонажами является пара серых гусей по имени Анатис и Анзер. Вот фрагмент этой замечательной книги.

***

Трудно вообразить, чтобы человек во всю свою жизнь ни разу не видел камня, ни единого кремешка. Однако так оно и было в тех краях, где большинство жителей никогда не покидало родных мест. В редко разбросанных деревень-ках дома строились из дерева. Ровное пространство было неоглядным, как море. Сосновый бор да березовый колок — вот все, что можно было увидеть па этих просторах в тече-ние долгих веков. Бесконечные, заросшие травой болота не отличались от твердой земли. Зимой снег, весной буйное цветение трав.

Сейчас многие болота там осушены. Время от времени пустынное пространство оживляется. В разных местах можно заметить ряды тракторов. Многолемеховые плуги взрывают черную землю, необыкновенно тучную и плодо-родную, сулящую огромные урожаи. Позднее там появятся косилки. Однако все это затеряно среди необъятных про-сторов, где человек даже вместе со своими машинами ка-жется всего лишь неприметной мошкой.

В западной части степи, па широте пятьдесят пятой параллели, лежит озеро Чаны. Площадь его три тысячи квадратных километров, наибольшая глубина восемь мет-ров. Это один из крупнейших заповедников водоплаваю-щих и связанных с водоемами птиц.

Узкие длинные полуострова, заросшие травой и камы-шом, расчленяют все озеро на отдельные части, в особен-ности на юго-востоке, там, где в него впадают реки, а сами полуострова прорезаны сетью зыбких водных протоков. Ни одного скалистого обрыва, ни единого камня. Только земля и вода, союз двух стихий, переплетенных так же тесно, как во времена после потопа, когда еще влажная и мягкая зем-ля открылась взору

Ноевой голубки.

А это означает, что каждый год с приходом весны здесь буйно плодится всякая живность. Миллионы, миллиарды

инфузорий, червей, личинок плавают в воде или копошат-ся в тине. Над водой вздымаются тучи крылатых насеко-мых, по берегам кишат мириады насекомых без крыльев, земноводные, мелкие грызуны, травоядные, хищники. В ка-мышах гнездятся водоплавающие птицы, в воздухе в по-гоне эа насекомыми носятся ласточки, парят пернатые хищники.

Все эти животные и множество других, которых я уже и не припомню, вся эта неисчислимая рать поедает всевоз-можную растительную пищу, траву, зерно и всю ту жив-ность, что плавает и ютится в воде, что ползает, ходит и летает. Одни виды кормятся другими. А это тесное пере-плетение земли и воды и вдобавок долгие и знойные лет-ние дни в самой глубине континента придают жизненному циклу такую стремительность и интенсивность, какие ред-ко где встретишь.

И однако, оказавшись в тех краях, вы почти ничего не заметите.

Птиц, пролетающих по небу, вы, конечно, увидите, не-ожиданные взлеты гусей или уток тоже не укроются от ваших глаз. Но это и все.

Садитесь в какую-нибудь лодку, в одну из тех деревен-ских плоскодонок, что привязаны за колышки у берега, и пробирайтесь по водным протокам, среди камыша и зарос-лей высокой травы. Все вам покажется пустынным. Кру-гом царит тишина, особенно в полуденное время. Лишь из-редка зашуршит трава, послышится всплеск пырнувшего в воду животного, щелкнет клюв — и все, снова тихо. Вам даже непонятно, откуда донесся шум. И везде так. Даже у пас во Франции вы может пройти через рощицу, где полным-полно белок, или целый час кружить около кустов, откуда на заре выпорхнут стаи птиц, и не заметить ника-ких признаков жизни. При появлении человека все живое прячется, замирает. Чтобы обнаружить какого-либо зверь-ка, надо обладать слухом кошки, ее терпением или, еще лучше, чутьем собаки, без которой и охотник почти бесси-лен. Собака, этот близкий друг человека, живет совсем в ином мире, в мире

запахов, о которых мы и понятия не имеем. А все звери, что притаились и замолкли при на-шем приближении, имеют свой особый запах, и при испуге он нередко усиливается.

Тут мы как раз и последуем за собакой, вон за тем не-уклюжим щенком, который бродит по юго-восточному бе-регу озера Чаны. Молодой рыжий пес, помесь чау-чау и

спаниеля. Человека с ним нет, он охотится самостоятельно и, кажется, без особых правил. То понюхает воздух, то зем-лю, окунет свои толстые лапы в воду, вернется на берег. Но вот он исчезает среди камышей. Должно быть, напал на след...

Собака пробиралась сквозь камыши, чуть раздвигая их в сторону, и Анатис уловила этот легкий шум. У птиц слух такой же, как у человека, и серый гусь не представ-ляет исключения.

Анатис сидела в гнезде на яйцах. Гнездо не такое уж искусное, просто ворох скрепленного илистой грязью ка-мыша, и внутри уютно выстланное слоем пуха, который Анатис сама выщипала у себя на груди своим клювом с роговыми пластинками. В гнезде лежало шесть яиц, сне-сенных за две недели. Пройдет еще две педели, и, если пе стрясется никакой беды, из яиц выклюнутся гусята.

Шум в камышах раздавался справа. Анатис слегка по- вернула голову в ту сторону, в ее светло-карих умных гла-зах выразилось беспокойство. Может, вы не поверите, что глаза гусей способны выразить чувство, но это лишь отто-го, что вблизи вам приходилось наблюдать, наверно, лишь домашних гусей. Серый гусь предок тулузского гуся, но ка-кая глубокая пропасть лежит между их умственными спо-собностями, ведь приручение и откармливание сильно из-менили птицу. Дикие гуси, несомненно, числятся среди самых смышленых птиц с наиболее индивидуальным пове-дением.

Сойти с гнезда и бросить яйца Анатис, конечно, и по-мыслить не могла. Лучше всего затаиться, не выдавать себя голосом. Может, это и ложная тревога. Ведь зверь или человек (человека здесь редко увидишь), что пробирается там, среди камышей, еще вполне может свернуть в дру-гую сторону, наткнуться на другое гнездо. Такое уже бы-вало не раз. Анатис приходилось видеть, как совсем непо-далеку разыгрывалась драма, слышалось тяжелое дыхание, удары крыльев, отчаянные крики, смешанные

иногда с яростным лаем. Анатис сидела не двигаясь. Когда на оста-новках во время перелетов дикие гуси сбиваются в боль-шие стада, общая охрана всегда обеспечена: при малейшей опасности часовые поднимают тревогу. Но здесь, среди вы-соких зарослей, каждая сидящая на яйцах гусыня, каждая пара должна обороняться самостоятельно. Чаще всего пти-цы замолкают и притаиваются. Единственно возможная тактика.

Шум по-прежнему доходил откуда-то справа, но. теперь он заметно приблизился. Подняв голову, Анатис увидела, как качаются верхушки камышей. Значит, это не Анзер Ведь Анзер, как и все гусаки, несмотря на свой все же не-малый объем, везде проскользнет, как змея, ничто не ше-лохнется на его пути. Анатис чуть повернулась в гнезде, чтобы быть готовой к вторжению, если оно последует.

Прямо перед ней камыш качался сверху донизу, и че-рез миг всего лишь в метре от нее оказалась собака.

Это был рыжий короткомордый пес с довольно коротки-ми лапами и не очень крупный.

Уставившись на гуся скорее даже добродушным взгля-дом, он принюхивался к нему, водя носом вверх и вниз, словно желая убедиться, что попал как раз в нужное место, к источнику того самого запаха, который вел его всю до-рогу.

Анатис наклонилась вперед, растопырила крылья, вы-тянула клюв и зашипела. Ее буровато-серая шея казалась крепкой плотной змейкой, а клюв с жестким загнутым ши-пом на конце надклювья выглядел довольно устрашающе.

Собака остановилась как бы в удивлении. Птицы, каких ей уже приходилось отыскивать так же вот на гнезде сре-ди камышей, были, несомненно, меньше этой. Если они в тот же миг не скрывались, она прижимала их к земле, сво-рачивала в случае надобности шею и съедала. Потом уничтожала яйца. Яйца и были для нее главной приманкой.

Должно быть, воспоминания о прежних охотничьих удачах ободрили собаку. Отбросив

все колебания, она шаг-нула вперед и нацелилась прямо в грудь птицы, чтоб опро-кинуть ее наземь. Основательный удар клювом между глаз заставил ее, однако, отступить.

Стараясь отогнать собаку подальше, Анатис что есть силы вытянула шею вперед. Крепкая сильная змейка изви-валась из стороны в сторону с удивительной быстротой и гибкостью, роговой зубец на клюве был все так же направ-лен к голове собаки, и та, видно, начинала понимать, что одолеть гуся ей будет не так-то просто.

Как только рыжий космач вытягивал морду, пытаясь добраться до шеи, тотчас же раздавались удары клюва. Трах! Трах! Апатис целилась прямо в глаз, зная, что де-лает. Иногда па секунду закрывал глаза, жалобно взвывал и опять возобновлял попытки вцепиться в шею. Потом какая-то новая мысль мелькнула, должно быть, у него в голове. Отказавшись от борьбы с сильной, никак не

дававшейся ему змеей, оп отскочил в сторону и попытался вцепиться в левый бок птицы. Страшный удар мускулисто-го крыла ослепил и оглушил его, приостановил на мгнове-нье атаку. И снова гусь был прямо перед ним, лицом к лицу, и опять эта вытянутая шея. Анатис уже успела по-вернуться в гнезде.

Словно желая придать себе храбрости, собака наклони-лась вперед, вытянула лапы и залилась яростным лаем. Анатис в свою очередь издала несколько громких криков.

За все это время она подавала голос впервые, а до тех пор только шипела. Сообразно с тактикой своего гусиного рода Анатис замолкла с той самой минуты, как только по-чуяла опасность. Она не стала кричать при появлении со-баки, возможно потому, что надеялась защититься сама. Но теперь, когда собака заливалась лаем, Анатис тоже по-дала голос. Быть может, непроизвольно, в ответ на лай, а может, призывая Анзера.

Дикие гуси моногамы и, что бывает довольно редко сре-ди птиц, объединяются они не па сезон, а на всю жизнь. Если один из пары погибает, другой остается одиноким на-всегда и не делает никаких попыток вступить в новый союз. Взаимное проявление нежности между супругами представляет собой трогательное зрелище, и Анатис, оче-видно, привыкла видеть в Аизере верного друга, всегда готового прийти на помощь

и почти неразлучного с нею. Анзер помогал устраивать гнездо, а во время насиживания яиц заменял ее в гнезде, пока она отлучалась, чтоб подкре-питься травой, утолить жажду, поплескаться в воде, раз-мять лапы. И во весь долгий путь во время перелетов он всегда летел с нею рядом.

И однако... Никто из нас не видел и не сможет увидеть мир таким, каким его воспринимает птица, поэтому и не-возможно сказать, как представляла себе А-натис отсут-ствующего Анзера и представляла ли его вообще, могла ли она, оказавшись в опасном положении, подумать об Анзе- ре. Не следует впадать в ошибки антропоморфизма и ут-верждать, что Анатис звала Анзера, как в случае опасности жена зовет на помощь мужа. И все-таки трудно поверить, что все трогательные проявления нежности у пары диких гусей сводятся просто к механическим телодвижениям, без прошлого и без будущего и не оставляют никакого следа, никакого воспоминания в сознании этих птиц, как бы оно ни было несходно с нашим. Да, я в самом деле склонен ду-мать, что своим криком Анатис действительно призывала Апзера на помощь. Я ведь не случайно начал е птиц, при-ступая к этой большой и во многом еще загадочной теме — о миграциях животных, а среди птиц сразу же выбрал пару диких гусей. В той истории, какую я вам о них расскажу, верно, встретится много такого, что вполне позволит при-писать им сходство с нами. А теперь вернемся к ложбинке среди зарослей камыша.

Разъяренная собака снова бросилась вперед. Удар клю-вом в уголок правого глаза заставил ее взвыть, но оба не отступила, и на сей раз ей удалось схватить птицу за шею. Она вцепилась в нее пастью снизу, почти у самой груди. Это было слишком низко, тут не уцепишься как следует. Сильные мускулы у основания шеи, напруженные и натя-нутые, как канаты, не позволяли ей стиснуть пасть по-крепче, однако сквозь плотный слой перьев собака чуяла птичью плоть и, чтобы пе выпустить добычу из пасти, по-вернула голову набок, тогда как Анатис взмахивала своп- ми огромными крыльями, не давая повалить себя на зем-лю. Всеми силами она старалась нагнуть голову, по это ей никак не удавалось, и ее грозный клюв над мордой собаки был теперь бесполезным оружием. А противник все крепче смыкал свои челюсти, давил, напирал что есть силы, пара-лизуя мускулы шеи. Анатис отчаянно кричала и хлопала крыльями.

И вдруг широкая тень пронеслась над ее головой, что- то тяжелое опустилось па плечи. Еще одна пара крыльев захлопала в воздухе. Анзер, это он. Наконец-то! Ее спаси-тель. Со свежими силами и присущей гусакам отвагой он ринулся в бой, под ударами его клюва собака разомкнула челюсти и отступила. Теперь между нею и Анатис был Ан-зер. Он не жмется к гнезду и готов смело начать контрата-ку. Собака бешено лаяла, норовила укусить гусака, заде-вала иногда его плечи и грудь, но тот вихрем носился по земле и по воздуху, отскакивал назад или в сторону, снова бросался вперед,

нацеливаясь своим твердым клювом соба-ке в глаза.

Опытный наблюдатель объяснил бы вам, что Анзер на-прягает все силы, но долго ему такого темпа не выдержать. Ведь если в воздухе птица держится без особых усилий, то каждый взлет требует от нее заметного напряжения, а такой беспрерывный вихрь прыжков и взлетов тем более изнурял Апзера. Собака тоже напрягала силы, но при ее гораздо меньшей подвижности она не очень изматывалась. Если Анзер не нанесет сейчас решительного удара, он буквально свалится бездыханным. Ему еще не удалось добраться до глаз собаки, а силы его уже заметно поослабли.

Анатис поняла, что ей пора вмешаться, и поспешила на выручку, оставив гнездо открытым. Собака ведь слишком занята, чтоб думать о яйцах, а за несколько минут им ни-чего не сделается.

Анатис подскочила прямо к голове собаки, державшей в зубах крыло Анзера. В таком положении ей никак не увернуться от грозного клюва Анатис. Одного удара, при-том почти в самый глаз, было вполне достаточно, чтобы этот рыжий зверь сразу же образумился и выпустил кры-ло, под перьями которого ему уже чуялся вкус птичьего мяса. Едва он разжал клыки, как огромное крыло высво-бодилось, рванулось вниз и сразу вверх, нанося сильней-ший удар снизу в челюсть. И вот перед собакой снова, в теперь уже не одна, а две, сильные, подвижные змейки, вооруженные клювом. Они извиваются у самой ее головы, а от взмахов огромных крыльев в воздух взлетают вырван-ные перья. Обе птицы прыгают вместе, стараясь отогнать собаку, преградить ей путь к гнезду, хотя рыжий охотник теперь уже явно не думает больше о яйцах. Под воинственным напором этой пары серых гусей он то лает, то рычит, то стонет. Да, да, издает временами глупые стопы, как буд-то не по своей воле он так безрассудно впутался в эту авантюру. Не переставая лаять, рычать и стонать, собака отступает, пятится назад и трясет головой, словно на нее напали осы, а потом вдруг отскакивает, резко поворачи-вает в другую сторону и, внезапно смолкнув, исчезает в камышовой чаще.

Секунды через три она показывается снова, выставив из зарослей только передние лапы и голову, и снова начи-нает лаять, но ближе подойти боится. Анатис уже на гне-зде, Анзер держится между нею и собакой. Крылья у него приподняты, шея вытянута, он непрестанно шипит и как бы собирается броситься вперед. Собака исчезает снова. Анзер и Анатис видят, что верхушки камышей закачались чуть дальше, потом еще дальше, в направлении к озеру, а потом услышали, как шлепают по берегу толстые, неуклю-жие лапы. Должно быть, собака напала уже на новый след.